

2. Основные формы новой технической организации: мануфактура и фабрика.

А. Мануфактура.

(Простая кооперация и переходъ отъ нея къ сложной.)

Новая техника требовала и новыхъ формъ трудовой организации и могла развиваться лишь постольку, поскольку осуществлялись послѣднія. Мы уже видѣли, что эта техника предполагаетъ прежде всего коллективнаго рабочаго. Теперь необходимо выяснить, чѣмъ этотъ коллективный рабочий отличается отъ простой суммы индивидуальныхъ работниковъ.

Объединеніе индивидуальныхъ усилій было извѣстно и феодальной эпохѣ хозяйства, и несравненно болѣе раннимъ формациямъ общества. Таковы, напр., многочисленные случаи совместнаго, одновременнаго труда при расчисткѣ лѣса, осушеніи болотъ, устройствѣ плотинъ, уборкѣ сѣна и хлѣба. Здѣсь можно прослѣдить извѣстныя градаціи объединенія индивидуальныхъ работниковъ въ коллективнаго работника. Иногда, напр., при косебѣ, трудовыя операціи остаются строго индивидуальными. Выигрышъ, получаемый отъ совместности, двоякаго рода: 1) косецъ, идущій впереди—обычно наиболѣе опытный и искусный,—даетъ остальнымъ такой темпъ, который обезпечиваетъ наибольшіе результаты при наименьшей затратѣ труда. Въ человѣкѣ раскрываются свойства «общественнаго существа», и 10 человѣкъ, работая вмѣстѣ по два часа, успѣваютъ убрать сѣна больше, чѣмъ если бы они работали порознь. 2) Самое существо работы требуетъ, чтобы она была выполнена какъ можно быстрѣе,—и это достигается именно такимъ способомъ, что на ней сосредоточивается наибольшее число работниковъ. Это—низшая ступень въ развитіи коллективнаго работника. Ниже ея стоятъ, быть можетъ, только тѣ случаи, когда работники не превращаются въ «рабочую колонну», когда въ процессѣ труда работникъ почти не чувствуетъ

въ себѣ общественнаго существа. Таково, напр., чисто механическое объединеніе ткачей въ одномъ помѣщеніи. Самый процессъ труда остается здѣсь неизмѣннымъ, примѣръ опытнаго ткача, его автоматическихъ движеній, экономизирующихъ затраты трудовой энергіи, почти не существуетъ для остальныхъ. «Экономія» получается въ этомъ случаѣ не въ процессѣ труда, а на его условіяхъ: постройка одного общаго помѣщенія для 10 ткачей потребуетъ меньше трудовыхъ затратъ, чѣмъ постройка 10 одиночныхъ помѣщеній. То же и съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ и т. д. ¹⁾.

Въ примѣрѣ ткачей по существу еще нѣтъ даже простой кооперации, при которой однородные работники живутъ въ производственномъ процессѣ общою жизнью и благодаря этой общности сливаются въ единую группу. Въ примѣрѣ косцовъ работники уже начинаютъ сливаться въ производственный организмъ, хотя каждый изъ нихъ выполняетъ совершенно однородныя операціи и примѣняетъ совершенно такіе же приемы, какъ при чисто индивидуальной работѣ.

Примѣромъ простой кооперации болѣе высокаго типа можетъ служить передача кирпичей при постройкахъ или воды при деревенскихъ пожарахъ. Вмѣсто того, чтобы переносить тяжести, т. е. передвигаться вмѣстѣ съ ними, работники выстраиваются въ цѣпь и изъ рукъ въ руки передаютъ кучки кирпичей или ведра воды ²⁾. Здѣсь работники уже сознательно организуются въ рабочую группу или рабочую колонну, и организація эта позволяетъ измѣнить самые приемы труда. Выгоды очевидны: 1) достигается быстрота работы, недостижимая для такого же количества работниковъ, если они остаются чисто индивидуальными работниками, т. е. если каждый спускается съ лѣсовъ внизъ, беретъ нѣсколько штукъ кирпичей, несетъ ихъ вверхъ и т. д. 2) Благодаря новымъ приемамъ труда, достигается огромная экономія рабочей силы. Правда, на долю рукъ выпадаетъ нѣсколько больше работы, но зато до чрезвычайности сокращается работа ногъ и стана. 3) Благодаря полной монотонности движеній, они скоро приобрѣтаютъ автоматическій характеръ, а это является одновременно симптомомъ и условіемъ экономіи силъ.

¹⁾ Характерно, что старинные утописты, даже въ Англіи первой четверти прошлаго вѣка, съ наибольшей любовью и обстоятельностью останавливались именно на этихъ выгодахъ обобщественнаго производства. Опытъ ремесленной и домашне-промышленной организаціи еще почти безраздѣльно господствовалъ надъ утопистами; они долго не замѣчали того мощнаго развитія производительныхъ силъ, которое несетъ съ собой новый, коллективный рабочій.

²⁾ Такимъ же способомъ въ старину улаживались вода и поднималась руда изъ шахтъ. Напр., въ XVI вѣкѣ на серебряныхъ рудникахъ въ Швабѣ ежегодно работало до 600 „водоподъемщиковъ“, которые, построившись въ цѣпь, передавали воду въ кожаныхъ ведрахъ со дна шахты до выхода.

Далѣ, и въ феодальную, и въ болѣе раннія эпохи экономическаго развитія встрѣчается цѣлый рядъ работъ, вообще непосильныхъ индивидуальному работнику и выполнимыхъ только посредствомъ сочетанія силъ единичныхъ работниковъ въ механическую силу массы. Примѣрами могутъ служить переноска бревенъ и большихъ камней при постройкахъ, сооруженіе плотинъ и т. д. При постройкѣ плотины отдѣльный рабочій безсиленъ передъ сколько-нибудь значительнымъ потокомъ. Напротивъ, масса, одновременно сдвигая съ обоихъ береговъ заранѣе заготовленные груды хвороста, соломы, камней и земли, достигаетъ того, что вода перестаетъ уносить эти предметы, останавливается и даетъ время для укрѣпленія загражденія. Несомнѣнно, и здѣсь, какъ въ случаѣ съ группой косцовъ, общая сила, развиваемая коллективностью, больше простой суммы индивидуальныхъ силъ; но главное все же заключается въ самой возможности преодолѣть сопротивленія, абсолютно непреодолимые для индивидуальныхъ рабочихъ силъ.

Это становится очевиднымъ въ такихъ случаяхъ примѣненія массовой механической силы, какъ переноска бревенъ и другихъ тяжестей. Тамъ на долю каждаго работника, способнаго поднять, напр., въ среднемъ 5 пудовъ, изъ сообща переносимой тяжести обычно приходится меньше этой величины. То же и при греблѣ на рѣчныхъ и морскихъ судахъ: этомъ чрезвычайно распространенномъ случаѣ примѣненія простого сотрудничества въ древности и на значительномъ протяженіи среднихъ вѣковъ.

Въ послѣднихъ примѣрахъ просто совмѣстный и одновременный трудъ превращается уже въ коллективный трудъ, и индивидуальный работникъ смѣняется коллективнымъ работникомъ. Становится существенно необходимой планомѣрная организація ихъ общихъ дѣйствій, которая въ болѣе простыхъ случаяхъ, какъ, напр., въ случаѣ съ косцами, имѣетъ второстепенное значеніе и осуществляется какъ бы стихійно, сама собой,—посредствомъ наполовину сознательнаго, наполовину автоматическаго подражанія дѣйствіямъ передоваго косца. Однако и при сравнительно высокихъ формахъ простого сотрудничества организація еще не предполагаетъ обособленія организаторскаго труда отъ исполнительскаго. Иногда вся рабочая группа въ цѣломъ организуетъ свои трудовыя дѣйствія: такъ, «Дубинушка» опредѣляетъ главные моменты коллективныхъ усилій, пѣсня гребцовъ—ритмъ взмаховъ веслами. На египетскихъ изображеніяхъ массъ рабочихъ, перетаскивающихъ огромный камень къ строящейся пирамидѣ, темпъ движенія даетъ ударами ладоней помѣщающійся на камнѣ надсмотрщикъ. На галерахъ стройная координація движеній поддерживалась звуками барабана и гонга. Но все

эти зачаточныя формы обособленія организаторскаго труда не нарушаютъ простаго сотрудничества, не превращаютъ его въ сложное. Всѣ работники выполняютъ однѣ и тѣ же функціи, связь между ними болѣе или менѣе механическая, каждый изъ нихъ во всякій моментъ можетъ быть замѣненъ равносильнымъ другимъ.

По всей вѣроятности, простая кооперація—или даже просто однородная и одновременная работа нѣсколькихъ работниковъ въ общемъ помѣщеніи—послужила исходной точкой и въ развитіи мануфактуры, технической основой которой впоследствии сдѣлалось сотрудничество сложное. Собственно ремесло едва ли могло дать начало настолько обширной простой коопераціи, чтобы она послужила основой коопераціи сложной. Количество участниковъ производственнаго процесса было слишкомъ мало для того, чтобы къ нему могло приурочиться постоянное разложеніе производственнаго процесса на элементарныя операціи и превращеніе послѣднихъ въ исключительную функцію отдѣльныхъ работниковъ. Разложеніе производственнаго процесса и спеціализація отдѣльныхъ работниковъ—характернѣйшія черты сложной коопераціи—не доходили даже до той очень низкой ступени, которую можно въ извѣстныхъ случаяхъ наблюдать въ крестьянскомъ рутинномъ земледѣліи (напр., при уборкѣ хлѣба и сѣна): вся внутренняя организація ремесла, весь строй выучки опредѣлялись тѣмъ, что ремесленникъ долженъ былъ производить цѣлый продуктъ.

Скорѣе всего могло возникнуть разложеніе производственнаго процесса въ тѣхъ случаяхъ, когда создавались вынужденныя соединенія производителей въ одномъ помѣщеніи. Таковы были, напр., эргастеріи древности, всевозможныя мастерскія при помѣстьяхъ¹⁾, дома эмигрантовъ («бѣженцевъ»), спасавшихся отъ религіозныхъ гоненій. Здѣсь не производственный процессъ подчинялся потребностямъ человѣка, который стремился къ производственной цѣльности, а человѣкъ былъ вынужденъ—непосредственнымъ ли давленіемъ господина, госпожи и надсмотрщиковъ (рабскій и крѣпостной трудъ, трудъ въ тюрьмахъ), борьбой ли за существованіе на чужбинѣ (эмигрантскіе пріюты)—подчиняться производственному процессу. Съ одной стороны, практика быстро показываетъ, что различныя операціи не одинаково хорошо удаются различнымъ работникамъ: почти всѣ, напр., легко выучиваются шитью, но хорошіе закройщики встрѣчаются рѣдко. Съ другой стороны, здѣсь не можетъ

¹⁾ Такъ называемыя „дѣвичьи“ при домахъ русскихъ помѣщиковъ тоже были руководимыми мастерскими, иногда очень обширными, включавшими не только производство одежды, вышиваніе и вязанье, но и ткацкое, ковровое производство и т. д.

быть такого, какъ въ ремеслѣ, противодѣйствія тому, чтобы это элементарное наблюденіе было использовано для новой организаціи производственнаго процесса: женщины должны, напр., прясть, слабая дѣти, дряхлые старики разматывать пряжу,—на долю наиболѣе работоспособныхъ мужчинъ остаются только ткацкія операціи. Такимъ образомъ являлась возможность привлечь къ производственному процессу рабочія силы, остававшіяся неиспользованными при ремесленной технической организаціи,—и въ то же время цѣликомъ сосредоточить наилучшія силы на болѣе сложныхъ или трудныхъ операціяхъ, освободить ихъ отъ сравнительно элементарныхъ работъ. Простая кооперація уступала мѣсто сложной, простая совмѣстность однородныхъ производственныхъ процессовъ сдѣлалась единымъ, планомерно расчлененнымъ и организованнымъ процессомъ.

Это—одна изъ техническихъ возможностей возникновенія мануфактуры. Въ другихъ случаяхъ социальная предпосылка мануфактуры была, вѣроятно, такая же,—постоянное или временное вынужденное объединеніе,—но техническая первооснова ея носила нѣсколько иной характеръ. Именно, объединялись не однородные работники одной и той же профессіи или спеціальности, какъ въ первомъ случаѣ, а работники различныхъ спеціальностей: плотники и стекольщики, слесари и маляры, колесники и кожевники. Нѣчто подобное, несомнѣнно, происходило уже въ древности, напр., при постройкѣ судовъ и боевыхъ колесницъ, при производствѣ оружія (кузнецъ, кожевникъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ и т. д.). Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что такія сложные производства съ самаго начала возникали въ формѣ мануфактуры: они могли до извѣстной степени примиряться и съ ремесленной технической организаціей, и даже съ болѣе низкими формами организаціи. Такъ, крестьянинъ еще очень недавно самъ дѣлалъ весь деревянный остовъ телѣги, включительно до осей, покупалъ на базарѣ отдѣльно колеса, отдѣльно желѣзныя шины, поручалъ кузнецу ихъ натягиваніе, а потомъ самъ слаживалъ весь экипажъ. Точно такъ же, съ развитіемъ мѣновыхъ отношеній, съ превращеніемъ телѣги въ товаръ, этотъ товаръ могъ доставляться на рынокъ не мануфактуристомъ, а скупщикомъ, который заказывалъ различнымъ специалистамъ: столярамъ, колесникамъ, кузнецамъ, отдѣльныя части телѣги, и потомъ просто заставлялъ своихъ работниковъ соединять ихъ въ готовый продуктъ.

Столярныя работы, оставаясь столярными и при производствѣ телѣги (или каретъ, или судовъ), отличаются здѣсь нѣкоторыми специфическими особенностями, которыя обуславливаются особымъ характеромъ производимаго продукта. Ясно, что столяръ, специали-

зовавшись на производствѣ частей телѣгъ, съ теченіемъ времени обнаружить въ своей области такое же превосходство надъ энциклопедическимъ столяромъ, какъ производитель булавочныхъ головокъ—надъ универсальнымъ булавочникомъ. Для того, чтобы могли обнаружиться преимущества такой специализаціи, необходима, конечно, настолько обширная хозяйственная территория, чтобы вся рабочая сила кожевника, кузнеца, столяра цѣликомъ поглощалась работами, обслуживающими, напр., телѣжное производство. Слѣдовательно, зародышей новой технической организаціи мы должны искать опять-таки или въ огромныхъ помѣстьяхъ феодальной, рабовладѣльческой и крѣпостнической эпохи,—или же около городскихъ центровъ торгово-капиталистической эпохи. Въ случаяхъ перваго рода работниковъ объединялъ сеньоръ или его представители, въ случаяхъ второго рода—торговый посредникъ, или же объединялись сами работники-эмигранты.

Различія между мануфактурами перваго и второго рода съ теченіемъ времени могутъ слушываться. Такъ, по мѣрѣ расширенія рынка для телѣгъ, т.-е. съ развитіемъ товарнаго производства, столярныя работы могутъ расчленяться такимъ образомъ, что одинъ изготавляетъ только кузовъ, другой только оси телѣги; а впослѣдствіи еще и такимъ образомъ, что одинъ только подготавляетъ необходимое дерево, другой производитъ части въ грубомъ видѣ, дальнѣйшіе работники даютъ имъ окончательную отдѣлку и т. д.

Техническія превосходства мануфактурной организаціи надъ ремесленною и въ томъ и въ другомъ случаѣ приблизительно одинаковы. 1) Каждый работникъ непрерывно выполняетъ одну и ту же работу или даже частичную операцію: напр., при производствѣ мечей одинъ начерно выковываетъ клинки, другой придаетъ имъ болѣе совершенную форму, третій заостряетъ, четвертый точитъ, пятый шлифуетъ... предпоследній прикрѣпляетъ эфесъ, послѣдній отдѣлываетъ готовый продуктъ. Въ связи съ этимъ 2) устраняется потеря времени, необходимая, при производствѣ каждымъ работникомъ цѣльнаго продукта, на переходъ отъ одной операціи къ другой и отъ одного орудія къ другому. 3) Работникъ, неизмѣнно повторяя одни и тѣ же движенія, развиваетъ виртуозную ловкость, которая выражается какъ въ изумительной быстротѣ, такъ и въ высокихъ качествахъ работы: онъ становится, конечно, узкимъ специалистомъ, но специалистомъ несравненнымъ въ своей сферѣ. Благодаря монотонности, процессъ автоматизируется для работника,—работникъ превращается въ автоматъ, выполняющій свое дѣло съ механической точностью, увѣренностью и быстротой. 4) Вслѣдствіе разложенія производственнаго процесса на частичныя операціи, среди послѣд-

нихъ оказываются настолько элементарныя, что ихъ можно поручить работникамъ, не находившимъ примѣненія въ ремеслѣ, и, напротивъ, на долю болѣе квалифицированныхъ работниковъ остаются исключительно операціи, требующія особаго вкуса, подготовки и т. д. Капиталистическое производство уже въ формѣ мануфактуры начало вытѣснять квалифицированный, сложный трудъ трудомъ болѣе простымъ,—иногда совершенно простымъ: работой дряхлыхъ обитателей богадѣленъ, съ одной стороны, и дѣтей, едва вышедшихъ изъ пеленокъ,—съ другой. Если даже десятокъ мануфактурно-организованныхъ рабочихъ производить не больше, чѣмъ 10 рабочихъ-ремесленниковъ, то все же мануфактуристъ получаетъ крупныя преимущества передъ ремесломъ, если онъ организуетъ свою рабочую группу изъ одного вполне подготовленнаго рабочаго, на котораго ложится верховное техническое руководство, двухъ искусныхъ работниковъ, выполняющихъ окончательныя операціи, а для простыхъ работъ набираетъ женщинъ, дѣтей, стариковъ и т. д. 5) Такъ какъ въ мануфактурѣ каждый частичный работникъ неизмѣнно выполняетъ однѣ и тѣ же операціи, то его орудія труда могутъ быть специально приспособлены къ этимъ операціямъ. Нѣкоторое приспособленіе въ такомъ направленіи совершалось уже въ ремеслѣ: напр., у всякаго плотника и въ особенности у столяра долженъ быть извѣстный «наборъ инструментовъ». Но при ремесленной технической организаціи во всякій данный моментъ въ дѣлѣ оказывается только ничтожная часть этого инвентаря. Ремесленникъ естественно стремится сократить затраты на эту статью. Орудія его труда слабо дифференцированы, они еще сохраняютъ черты универсальности, общепримѣнимости, пригодности къ разнообразнѣйшимъ операціямъ. Не то въ мануфактурѣ. Здѣсь каждое орудіе можетъ быть приспособлено исключительно къ детальнѣйшимъ операціямъ,—весь процессъ можетъ быть организованъ такимъ образомъ, что выполнение этихъ операцій поглощаетъ все время работника, и, слѣдовательно, высоко специализованное орудіе ни на минуту не остается безъ дѣла. Для мануфактурной группы изъ 10 человѣкъ потребуется поэтому наборъ инструментовъ менѣе дорогой, чѣмъ для 10 соответствующихъ ремесленниковъ,—и, несмотря на то, инструменты въ первомъ случаѣ будутъ технически несравненно болѣе совершенные.

Все это—частичныя проявленія той основной особенности новой техники, которую мы характеризовали какъ раціональное отношеніе къ производственному процессу въ противоположность традиціонному, эмпирическому отношенію. И каждый изъ перечисленныхъ пунктовъ показываетъ, какія огромныя преимущества даетъ раціональная техника, когда рынокъ расширяется до такой степени, какъ въ

концѣ торгово-капиталистической эпохи. Въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ стала возможной мануфактура, ремесло было обречено на гибель, и если мануфактура не превратилась здѣсь въ единственную форму промышленности, то только потому, что, какъ мы уже видѣли, мануфактурное расчлененіе производственного процесса оказалось въ довольно широкихъ рамкахъ совмѣстимымъ съ домашне-промышленной организаціей.

Трудъ въ мануфактурѣ остается ручнымъ.—и рационализація производственного процесса достигается подчиненіемъ организма работника этому процессу. Организаторскій трудъ рѣзко отдѣляется отъ исполнительскаго. Послѣдній становится все бѣднѣе содержаніемъ, все болѣе обездушивается. Все сильнѣе расширяется сфера тѣхъ операций, гдѣ требуется только монотонное повтореніе однихъ и тѣхъ же движеній,—наконецъ, такихъ операций, которыя могутъ выполняться слабоумными, идіотами. Автоматизируясь, производственный процессъ въ своемъ техническомъ развитіи приходитъ къ тому, что наиболѣе совершеннымъ работникомъ становится живой автоматъ,—и по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ превращаетъ cadaго работника въ такой автоматъ.

Въ научной области, которая до сихъ поръ построена на мануфактурномъ раздѣленіи труда, и теперь можно наблюдать, какое опустошеніе души производитъ это раздѣленіе въ вырабатываемыхъ имъ несравненныхъ спеціалистахъ. Изумительное знаніе ассирійскихъ древностей—и полное непониманіе современныхъ общественныхъ отношеній; блестящее филологическое образованіе—и естествознаніе „Бытія“; самостоятельность и смѣлость мысли въ своей крошечной сферѣ—и полное умственное рабство во всѣхъ остальныхъ: все это не только прекрасно уживается, но становится даже необходимымъ условіемъ и основой мануфактурной организаціи науки.

Физическое калѣченіе, какъ результатъ подчиненія организма работника производственному процессу въ промышленности—искривленіе ногъ, пальцевъ, всего стана, руки Геракла при ногахъ ребенка и проч.—несравненно легче поддается наблюденію, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно когда мануфактурная работа начинается съ дѣтскаго возраста, накладываетъ свой отпечатокъ на все населеніе. Тѣмъ не менѣе то дѣйствіе, которое мануфактурное раздѣленіе труда оказываетъ на всю психику рабочаго, вѣроятно, несравненно острѣе и опустошительнѣе, чѣмъ физическое калѣченіе. Борясь противъ мануфактуры, спасаясь изъ нея бѣгствомъ, работникъ не просто отстаивалъ органически сросшіяся съ нимъ отношенія семейнаго производства, но и протестовалъ противъ своего превращенія въ раба, въ служебный элементъ производства.

Послѣ того, какъ вынужденныя объединенія производителей демонстрировали на практикѣ значеніе новаго принципа технической организаціи, распространеніе его было обеспечено. Мы уже видѣли, что главной сферой его примѣненія сдѣлались новыя отрасли промышленности. Быстро онъ укоренялся и въ тѣхъ отрасляхъ, которыя были до того мелки, что для развитія цеховой организаціи въ нихъ не было мѣста. Появленіе мануфактуръ въ различныхъ странахъ является показателемъ степени ихъ экономического развитія. Такъ, въ Италіи онѣ начали возникать въ концѣ XIV вѣка, во Фландріи вѣскольکو позже, въ Испаніи къ XVI вѣку, въ Голландіи къ концу того же столѣтія и т. д. Главными сферами мануфактурной организаціи въ XVII и XVIII вѣкахъ были производства тонкихъ суконъ, бархата, шелковыхъ тканей, ковровъ, гобеленовъ, писчей бумаги, зеркальнаго стекла, фарфоровой посуды, часовъ, типографское дѣло. Однако въ нѣкоторыхъ изъ этихъ производствъ мануфактурная организація была преходящимъ моментомъ и скоро отгѣснялась на задній планъ домашне-промышленной организаціей; въ другихъ, напр., въ писчебумажномъ, уже въ значительномъ количествѣ примѣнялись машины, и примѣнялись такимъ образомъ, что производства пріобрѣтали скорѣй фабричный, чѣмъ чисто мануфактурный характеръ. Но существовалъ—и отчасти теперь существуетъ—цѣлый рядъ отраслей, въ которыхъ господство, иногда безраздѣльное, принадлежало мануфактурной организаціи. Напр., до самыхъ послѣднихъ лѣтъ повсюду было мануфактурно организовано производство простой стеклянной посуды, въ особенности бутылокъ. Мануфактурная группа рабочихъ, располагающаяся около тигеля съ расплавленной стеклянной массой, еще лѣтъ 40 тому назадъ состояла изъ 5 человекъ (см., напр., „Капиталъ“, т. I, глава двѣнадцатая, 3),—въ общемъ такой же составъ сохраняетъ она и въ настоящее время. Одинъ обмакиваетъ трубку въ стеклянную массу, другой выдуваетъ стекло, третій регулируетъ его форму и т. д.: всѣ они работаютъ „въ руку“ одинъ другому, разъединеніе этихъ операций во времени и въ пространствѣ невозможно, соединеніе ихъ въ рукахъ одного работника повело бы къ почти непреодолимымъ трудностямъ, а потому и ремесленная, и кустарная организація здѣсь технически невозможна ¹⁾).

¹⁾ До 1906—7 года оказывались тщетными и всѣ попытки замѣнить человека машиной. Съ этого времени начинается примѣняться машина, изобрѣтенная американцемъ Оуэнсомъ. Судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ (см., напр., „Kampf“, III Jahrg., S. 454), она уже успѣла произвести глубокий переворотъ въ отношеніяхъ стеклодѣльной промышленности.

Въ этомъ случаѣ очевидныя особенности производственнаго процесса, связанныя съ особымъ характеромъ перерабатываемаго материала, служатъ основой мануфактурнаго строя. Въ другихъ случаяхъ производственныя операціи могли бы быть обособлены одна отъ другой и въ пространствѣ, и во времени,—но господствующей формой все же остается мануфактура: разложеніе производственнаго процесса на частичныя, дробныя операціи лишь до извѣстной границы мирится съ домашне-промышленной организаціей. Извѣстнѣйшимъ примѣромъ этого рода для XVII—XVIII вѣка можетъ служить гобеленовое производство, для нашего времени—различныя отрасли такъ называемой художественной промышленности и, въ частности, производство художественной мебели.

Обычная деревянная мебель—стулья, столы, шкафы—до сихъ поръ производились преимущественно мелкими „самостоятельными“ столярами, которые или работаютъ по заказу отъ магазиновъ, или же вынуждены сбывать въ магазины готовый товаръ. Ихъ положеніе, и безъ того отчаянное, еще болѣе ухудшается отъ того, что въ производствѣ самой простой мебели имъ приходится конкурировать съ деревенскими кустарями, которымъ столярное дѣло даетъ просто подсобный заработокъ. Такая техническая организація пригодна только для производства зауряднаго, дюжиннаго товара. Когда повышаются художественныя требованія, предъявляемыя къ мебели, централизованная мануфактура становится необходимой формой организаціи.

Современная мануфактура художественной мебели охватываетъ огромный штатъ разнообразнѣйшихъ работниковъ-спеціалистовъ, отъ истинныхъ художниковъ, дающихъ общій набросокъ предмета, отъ искусныхъ чертежниковъ, которые въ деталяхъ разрабатываютъ проектъ, отъ маляровъ, приближающихся по опытности и вкусу къ художникамъ, до простыхъ токарей, которые должны точно воспроизвести готовые модели,—даже до простыхъ плотниковъ, которые готовятъ матеріалъ. Здѣсь стройно, органически сочетаются въ единое цѣлое разнообразнѣйшія градаціи организаторскаго и исполнительскаго труда,—здѣсь исполнительскій трудъ постоянно контролируется и направляется высоко квалифицированными организаторами.

По своимъ техническимъ особенностямъ производство художественныхъ издѣлій изъ фарфора занимаетъ среднее мѣсто между стекольной и мебельной мануфактурами. Здѣсь тоже требуется постоянное сотрудничество художника, изготовляющаго проекты, химика, составляющаго краски, рисовальщиковъ, отъ руки раскрашивающихъ посуду,—и постоянный контроль за результатами обжиганія, глази-

ровки и т. д. Такую сложную организацію представляла знаменитая севрская мануфактура (XVII—XVIII вѣкъ) ¹⁾.

Конечно, въ современной мануфактурѣ частичный работникъ на каждомъ шагѣ опирается на машину, на нее возлагаются всѣ подготовительныя и другія операціи. Но здѣсь это не измѣняетъ общаго характера коллективнаго работника, какъ мануфактурнаго работника.

Сфера художественной промышленности, очень узкая въ настоящее время, пока она обслуживаетъ почти исключительно потребности крупнѣйшихъ присвоителей прибавочной стоимости, несомнѣнно, расширяется и будетъ расширяться: экономическое развитие ведетъ не только къ количественному, но и къ качественному росту такъ называемаго—очень неточно—„общественнаго потребленія“ (театры, музеи, зданія парламентовъ и городскихъ думъ, залы для концертовъ и собраний, рестораны и т. д.). Удовлетвореніе растущаго спроса въ этой области будетъ расширять и сферу художественной мануфактуры. Вопреки мечтаніямъ такихъ социалистовъ-эстетовъ, какъ Рескинъ или Моррисъ, уже теперь видно, что въ области художественной промышленности мелкое, изолированное ремесло уступаетъ дорогу передъ коллективнымъ работникомъ, передъ „соединенной художественной мануфактурой“,—передъ крупно-промышленной организаціей.

В. Фабрика.

Мануфактура, какъ показываетъ самое названіе (въ переводѣ означаетъ: ручной трудъ, ручное производство), подобно ремеслу, построена на органическихъ функціяхъ живого работника. Основное отличіе отъ ремесла заключается въ томъ, что эти функціи, специализовавшись, превратились въ исключительныя функціи составныхъ элементовъ коллективнаго работника, и что прежній цѣлостный работникъ исчезъ, растворился, разложился въ этомъ коллективномъ работникѣ.

Согласно обычному словоупотребленію, фабрика отличается отъ мануфактуры прежде всего широкимъ примѣненіемъ машинъ. Поэтому Рело (Reuleaux), одинъ изъ теоретиковъ новой технической организаціи, фабрику противопоставляетъ мануфактурѣ какъ машинофакуру, т. е. какъ машинную работу, машинное производство. Во всякомъ случаѣ изученіе фабрики приходится начинать съ выясненія того, какъ возникла машина, и что она представляетъ въ техническомъ отношеніи.

¹⁾ Такую же преобладающе мануфактурную организацію представляютъ и нѣкоторые химическія производства.

Разложение производственного процесса приводитъ къ тому, что изъ него выдѣляются операціи, выполнение которыхъ становится исключительнымъ дѣломъ специальныхъ работниковъ. Выполняя ихъ при помощи специализованныхъ орудій, работникъ совершаетъ самыя простыя и однообразныя движенія, которыя, благодаря постоянному повторенію, приобретаютъ характеръ автоматическихъ. Преображая рабочего въ автоматъ, послѣдовательное разложение производственного процесса въ концѣ-концовъ дѣлаетъ возможной замѣну человѣка дѣйствительнымъ автоматомъ: необходимыя движенія могутъ совершаться уже не рабочимъ, не его рукой, а механизмомъ.

Для поясненія того, какимъ образомъ становится возможнымъ примѣненіе механизма въ производствѣ, можно взять ткацкое дѣло и размотку пряжи въ томъ видѣ, какъ они еще теперь организованы при семейномъ строѣ производства: старинный ручной станокъ, до сихъ поръ примѣняемый при производствѣ домотканыхъ холстовъ и суконъ, и «скальню» съ «кронами», которая служитъ при размоткѣ нитокъ.

Ткачу приходится нажимать ногой то одну, то другую педаль, чтобы приподнимать вверхъ то четныя, то нечетныя нитки основы, одной рукой дергать веревку, перебрасывающую изъ стороны въ сторону челнокъ со шпулкой легко разматывающагося утка, а другой рукой, при помощи простого приспособленія и столь же элементарнымъ движеніемъ, крѣпче прибавать эту нитку.

Ткачу приходится совершать довольно сложный комплексъ правильно согласованныхъ движеній, но каждый элементъ этого комплекса очень простъ, и послѣдовательность этихъ элементовъ неизмѣнна и постоянна. Еще проще операціи при размоткѣ пряжи. Работникъ одной рукой, вооруженной «лучкомъ», механически проводитъ по стержню скальни, а другой рукой направляетъ нитку, наматываемую на катушку. Всѣ движенія въ обоихъ случаяхъ настолько просты, ритмичны и правильны, что сама собой является мысль о выполненіи ихъ при помощи механизма. Простейшій размоточный станокъ представляетъ по существу просто соединеніе нѣсколькихъ кронъ и нѣсколькихъ скаленъ,—съ той только разницей, что стержни послѣднихъ приводятся въ движеніе валомъ съ маховымъ колесомъ, а этотъ валъ вращается нажимомъ ножныхъ педалей, какъ въ ножной швейной машинѣ. Такъ же близки къ ручному станку по своему устройству и первые механическіе станки.

И ручной ткацкій станокъ, и даже скальня представляютъ продуктъ долгаго техническаго развитія. Исторически они замѣнили чисто ручное плетеніе (или вязаніе) и ручное же разматываніе (въ семейномъ производствѣ они еще и теперь играютъ не малую роль).

Слѣдовательно, они уже сами по себѣ предполагаютъ многіе вѣка промышленнаго развитія, совершавшагося въ организаціонныхъ рамкахъ родового, феодальнаго, ремесленнаго и, быть можетъ, мануфактурнаго производства. Точно такъ же, если оставить текстильную промышленность и обратиться, напр., къ шахтамъ или солеварнямъ, мы увидимъ, что обособленіе соответствующихъ производствъ въ самостоятельныя отрасли, ихъ расширеніе, сопровождавшееся переходомъ отъ простой къ сложной коопераціи, все ихъ многовѣковое развитіе приводило къ тому, что и здѣсь выдѣлялись такія операціи, какъ, напр., откачка посредствомъ насосовъ, требовавшія отъ работника однообразныхъ, механическихъ движеній. Скальная, ручной ткацкій станокъ, ручной насосъ,—все это примѣры орудій труда, которыя развиваются уже въ рабочей (или исполнительный) механизмъ, въ рабочую машину: въ систему мертвыхъ тѣлъ, которая, располагаясь между работникомъ и предметомъ труда, позволяетъ свести производственныя операціи къ простѣйшимъ движеніямъ.

Предпосылкой промышленной революціи XVIII вѣка и было какъ разъ такое развитіе рабочей машины, что она уже превращалась въ самодѣйствующій механизмъ: въ механизмъ, нуждающійся главнымъ образомъ въ томъ, чтобы ему сообщалось простое, однообразное движеніе (скальная, насосъ), или чтобы въ правильной послѣдовательности столь же простое движеніе сообщалось его различнымъ частямъ (ткацкій станокъ). И лишь по мѣрѣ того, какъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности развитіе рабочей машины достигало этой ступени, передъ ними выдвигался вопросъ объ отысканіи двигателя, болѣе совершеннаго, чѣмъ человекъ.

Въ предыдущей главѣ уже было показано, въ какомъ направленіи искала промышленность разрѣшенія этой задачи (сила животныхъ, вѣтра, воды). Сила пара стала примѣняться для откачиванія воды уже съ начала XVIII вѣка. Но только съ изобрѣтеніемъ Уатта (1784 г.) построенъ былъ универсальный двигатель, въ принципѣ пригодный для всякаго промышленнаго примѣненія, для всѣхъ отраслей производства.

Сдѣлавшись частью сложнаго механизма, рабочая машина съ самаго начала освобождаетъ производственный процессъ отъ тѣхъ «органическихъ ограниченій, которымъ подчинено ручное орудіе рабочаго» (Марксъ). Во-первыхъ, возрастаетъ, иногда до изумительныхъ размѣровъ, количество тѣхъ рабочихъ механизмовъ, которыми можетъ управлять одинъ работникъ. Такъ, всѣ попытки одновременно пряхъ на двухъ старинныхъ прядильныхъ колесахъ не привели ни къ чему. Напротивъ, уже одна изъ первыхъ прядильныхъ

машинъ (jenni, изобрѣтенная въ 1735 г.) разомъ работала 12—18 веретенами; въ Англіи же конца XIX вѣка на каждую тысячу веретенъ приходилось въ среднемъ три работника, при чемъ въ эту цифру входятъ не только прядилшики, но и вспомогательные рабочіе, и рабочіе, занятые подготовительными операціями. Во-вторыхъ, быстрота производственныхъ операцій возрастаетъ до размѣровъ, не достижимыхъ безъ механической техники. Такъ, въ печатномъ дѣлѣ при «тисненіи» ручнымъ «прессомъ» въ часъ удавалось получать всего нѣсколько десятковъ оттисковъ; на тѣхъ простыхъ печатныхъ станкахъ, работа за которыми до сихъ поръ нерѣдко демонстрируется въ окнахъ типографій и которые приводятся въ движеніе ножной педалью, получается въ часъ нѣсколько сотенъ оттисковъ. Наконецъ, обычная ротаціонная машина, при которой отъ работника требуется только заправка и исправленіе случайныхъ нарушеній въ ходѣ производственного процесса, даетъ въ часъ отъ 12 до 24 тысячъ оттисковъ и сама же свертываетъ газеты ¹⁾.

Рабочія машины, въ зависимости отъ ихъ общаго характера, можно раздѣлить на два крупныхъ разряда. Однѣ изъ нихъ—частичныя машины, выполняющія тѣ детальныя операціи, которыя при мануфактурномъ раздѣленіи труда выполнялись работниками-специалистами. Таковы, напр., токарныя, строгальныя, сверлильныя машины, машины для очистки хлопка и шерсти. Другія машины по существу замѣняютъ цѣлую мануфактурную группу. Такова, напр., упомянутая ротаціонная машина, которая сама себѣ подаетъ бумагу (тянетъ «бесконечную» бумажную полосу), сама покрываетъ наборъ типографской краской, печатаетъ, рѣжетъ бумагу, надлежащимъ образомъ перегибаетъ и свертываетъ ее. Въ послѣднемъ случаѣ интегральный характеръ машины, взаимная связь выполняемыхъ одной и той же машиною операцій, обеспечиваетъ непрерывный, автоматическій характеръ всего производственного процесса. Въ первомъ случаѣ перерабатываемый матеріалъ долженъ послѣдовательно переходить черезъ цѣлую систему машинъ, и при надлежащемъ соотношеніи количества ихъ, при цѣлесообразномъ ихъ

¹⁾ Было время, когда казалось, что паровой двигатель позволяетъ увеличить быстроту движенія машинъ до произвольныхъ предѣловъ. Однако новѣйшее развитіе промышленности, въ особенности транспортной, сдѣлало ощутительными ограниченія, присущія паровой машинѣ. Для паровой машины предѣльная быстрота теоретически опредѣляется быстротой расширенія пара, и при поршневой машинѣ приближеніе къ этому предѣлу уже сказывалось на практикѣ въ томъ, что увеличеніе скорости паровозовъ и пароходовъ достигалось съ большими трудами. Турбинныя паровыя двигатели значительно совершеннѣе, но все же и они вѣроятно въ непродолжительномъ времени перестанутъ удовлетворять возрастающія требованія транспортной промышленности.

расположеніи опять-таки достигается непрерывность и автоматичность производственного процесса. Примѣрами могутъ служить хорошо оборудованная писчебумажная или спичечная фабрика: обрабатываемая бумажная масса или дерево безъ всякихъ перерывовъ переходятъ изъ машины въ машину.

Первоначальная машинная техника примыкала къ той ручной техники, которая сложилась въ предшествующія эпохи. Она брала орудіе труда въ томъ видѣ, какъ его примѣнялъ ремесленный, мануфактурный или домашне-промышленный рабочій, и просто передавала это орудіе отъ работника механизму. Предшествующее техническое развитіе, какъ показано выше, близко подходило къ разрѣшенію этой задачи. Это видно между прочимъ и изъ того, что выдающіяся изобрѣтенія XVIII вѣка въ области прядильно-ткацкаго дѣла были сдѣланы дилетантами: цирюльниками, священниками и т. д. Такимъ образомъ первые шаги машинной техники еще далеко не представляли рѣшительнаго разрыва съ рутинными методами производства. Орудія, которыми оперируетъ рабочая машина, измѣнялись съ большой медленностью: только эмпирически, послѣ долгихъ блужданій, дѣлалось то простое для современнаго человѣка открытіе, что орудіе, носителемъ котораго является механизмъ, можетъ быть иначе приспособлено къ производственнымъ цѣлямъ, чѣмъ то орудіе, носителемъ котораго былъ человѣкъ: что оно можетъ быть совершенно инымъ, можетъ совершенно измѣнить традиціонные приемы производства. Только съ этого времени машинная техника начала самостоятельно, по-своему ставить и разрѣшать техническія задачи. Элементарнѣйшимъ примѣромъ новаго трактованія этихъ задачъ можетъ служить современная швейная машина: бѣлаго взгляда на машинную строчку достаточно, чтобы убѣдиться, что принципъ здѣсь совершенно иной, чѣмъ при шитьѣ руками. Первые попытки конструировать паровозъ (XVIII в.) стремились воспроизвести бѣгъ человѣка или животныхъ: онъ долженъ былъ итти на ногахъ. Стефенсонъ (вторая четверть XIX вѣка) разрѣшилъ проблему только тогда, когда поставилъ ее какъ совершенно самостоятельную механическую задачу. Точно такъ же колесный пароходъ Фултона (около 100 лѣтъ тому назадъ) представляеть уже полный разрывъ съ передвиженіемъ при помощи весель ¹⁾.

¹⁾ И, подобно ротационной машинѣ, представляетъ практическое осуществленіе принципа „ротации“: непрерывнаго вращенія въ одномъ и томъ же направленіи, затраты механической энергіи исключительно на полезную работу. (Въ противоположность этому, та энергія, которая затрачивается на занесеніе весель или на подниманіе печатной доски въ старинномъ типографскомъ станкѣ, затрачивалась бесполезно).

По мѣрѣ того, какъ машинная техника порываетъ съ приемами рутинной, «органической» техники и своими собственными, самостоятельными методами разрѣшаетъ выступающія передъ нею задачи, она становится однимъ изъ мощныхъ средствъ внесенія въ процессъ производства величайшей рациональности.

* * *

Мы видѣли, что уже мануфактурное разложение производственнаго процесса только до известной границы мирится съ домашне-промышленной организаціей: техническая централизація становится необходимымъ условіемъ рациональной постановки этого процесса, къ экономическимъ преимуществамъ «крупнаго производства» надъ «мелкимъ» присоединяются техническія преимущества, известная минимальная величина производственной единицы претерпѣваетъ въ одно изъ существенныхъ условій ея жизнеспособности. Предположимъ, напр., что 4 чернорабочихъ успѣваютъ приготовить въ сутки такое количество глины, которое 3 другихъ рабочихъ въ тотъ же промежутокъ времени превращаютъ въ посуду за гончарнымъ станкомъ, и что обжигальная печь, обслуживаемая однимъ истопникомъ, получая матеріалъ отъ 3 гончаровъ, можетъ дѣйствовать непрерывно и даетъ достаточный матеріалъ для работы 2 глазуровщиковъ; предположимъ дальше, что при такихъ числахъ работниковъ достижима вполне достаточная степень спеціализаціи работъ въ соотвѣтствіи съ различными сортами посуды. Въ такомъ случаѣ технически рациональнѣйшей мануфактурной группой является именно группа, состоящая изъ 4 чернорабочихъ, 3 гончаровъ, 2 глазуровщиковъ и 1 обжигальщика. Очевидно, увеличеніе размѣровъ производства будетъ рационально только при томъ условіи, если оно не нарушитъ данныхъ количественныхъ соотношеній, т.-е. если производство будетъ разомъ расширено на цѣлую мануфактурную группу, состоящую изъ 10 разнородныхъ рабочихъ, и если одновременно будетъ построена новая обжигальная печь. Если мы предположимъ дальше, что только три такихъ мануфактурныхъ группы дадутъ достаточное количество работы двумъ рисовальщикамъ и художнику, составляющему проекты, то будетъ видно, что только въ производствѣ, состоящемъ изъ трехъ мануфактурныхъ группъ, будетъ полностью использована рабочая сила высококвалифицированныхъ работниковъ, и что, быть можетъ, только это производство и будетъ въ состояніи нанять этихъ работниковъ.

Еще очевиднѣе преимущества крупнаго производства при фабричной технической организаціи. Прежде всего, паровой двигатель развѣртывается присущія ему достоинства только при томъ условіи, если

онъ не менѣе опредѣленныхъ минимальныхъ размѣровъ: примѣнять паровой двигатель, развивающій не болѣшую силу, чѣмъ, напр., сила вола, было бы нецѣлесообразно. Практика показала, что вообще неэкономно строить паровые двигатели менѣе 5 лошадиныхъ силъ ¹⁾.

Идеологи мелко буржуазныхъ, карликовыхъ формъ промышленности давно увидали эту сторону паровой техники. Игнорируя всю многосложность связей крупно-промышленной организаціи съ новымъ строемъ экономическихъ отношеній, они объявили, что только паровой двигатель и убиваетъ мелкое производство и что съ изобрѣтеніемъ мелкаго двигателя оно будетъ не только спасено, но и отвоюетъ значительную область у крупнаго производства. Еще въ восьмидесятыхъ и въ особенности въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка, при первыхъ видныхъ успѣхахъ электротехники, они уже возвѣстили, что для ремесла (у насъ—для кустарей) открывается блестящая эра. Вслѣдъ за электродвигателями наступила очередь такъ называемыхъ «мелкихъ двигателей внутреннего сгоранія». Общій принципъ ихъ устройства таковъ же, какъ паровой машины, но поршень приводится въ движеніе не водянымъ паромъ, а вспышками самого «топлива»: свѣтильнаго газа, нефти или бензина. Здѣсь отпадаетъ такое промежуточное звено, какъ превращеніе воды въ паръ, и потому даже въ мелкихъ двигателяхъ получается величайшая экономія топлива. Паровая машина обычно утилизируетъ 8—9% потенциальной энергіи, заключающейся въ топливѣ, въ наиболѣе совершенныхъ машинахъ (турбинные двигатели) эта цифра повышается до 14%,— въ современныхъ двигателяхъ внутреннего сгоранія, даже въ мелкихъ, утилизація топлива раза въ два выше. Въ связи съ этимъ и съ отсутствіемъ парового котла эти двигатели очень легки: въ то время, какъ въ паровомъ двигателѣ приходится не одинъ десятокъ пудовъ вѣса на 1 лошадиную силу, въ новѣйшихъ двигателяхъ этотъ вѣсъ опускается всего до нѣсколькихъ фунтовъ на силу ²⁾.

По своей значительной легкости, относительной дешевизнѣ, по элементарности ухода за ними (отпадаютъ между прочимъ кочегары), по минимальнымъ размѣрамъ той силы, при которой примѣненіе новыхъ моторовъ становится экономически рациональнымъ, при цѣ-

¹⁾ «Лошадиная сила»—единица измѣренія силы механическихъ двигателей. Это—сила, которая въ одну секунду 75 килограммовъ поднимаетъ на 1 метръ, или около 51 пудовъ на 1 футъ.

²⁾ Это обстоятельство и сдѣлало ихъ автомобильными двигателями. Постоянное усовершенствованіе автомобильныхъ двигателей, вызванное стремленіемъ къ дальнѣйшему пониженію ихъ относительнаго вѣса, въ первые же годы XX вѣка создало тѣ двигатели, безъ которыхъ были бы невозможны современные блестящіе успѣхи авіаціи. Новѣйшіе авіаціонные двигатели въ 20—30—50 лошадиныхъ силъ вѣсятъ всего 4—5—6 пудовъ.

ломъ рядѣ другихъ достоинствъ (напр., отсутствіе копоти, жары и грохота при электромоторахъ, регулярность и тонкость дѣйствія), при возможности во всякій моментъ останавливать и возобновлять ихъ дѣйствіе безъ такого расточенія энергіи, которое требуется для разогрѣванія парового котла, и т. д.,—благодаря всѣмъ этимъ свойствамъ новые двигатели казались специфически приспособленными къ потребностямъ мелкаго производства вообще, ремесленного и кустарнаго въ частности ¹⁾.

Однако, если бы даже преимущества крупно-промышленныхъ формъ базировались исключительно на двигателяхъ, изобрѣтеніе «мелкихъ двигателей», самое большее, лишь нѣсколько ослабляетъ, но не уничтожаетъ эти преимущества. Прежде всего, чѣмъ крупнѣе моторъ, тѣмъ дешевле, при расчетѣ на лошадиную силу, обходится его постройка (или приобрѣтеніе) ²⁾. Точно такъ же, чѣмъ крупнѣе моторъ—безразлично, паровой, электрической или бензиновый и т. д.—тѣмъ дешевле обходится пользованіе имъ при расчетѣ на одну лошадиную силу ³⁾.

Но механическій двигатель—только одинъ изъ моментовъ, опредѣляющихъ большую или меньшую приспособленность той или иной

¹⁾ Въ книгѣ „L'Exode rural et le retour aux champs“ (имѣется русскій переводъ: „Бѣгство въ города и обратная тяга въ деревню“) Вандервельдъ тоже предался мечтаніямъ о возвращеніи счастливыхъ временъ для мелкой промышленности. Написанная талантливо, эта книга не выдерживаетъ серьезной критики.

²⁾ Такъ газовый двигатель въ 1 лш. силу обходится въ 1.000 марокъ, въ 4 лошадиныхъ силы—уже только въ 500 марокъ за 1 силу, и въ 10 лш. силъ—всего въ 360 марокъ за 1 силу.

³⁾ Вотъ нѣкоторыя цифры. Пользованіе одной лошадиной силой въ теченіе года обходится

при двигателяхъ въ	газовомъ	электрическомъ	паровомъ
1 лш. силу	— марокъ	216 марокъ	— марокъ
2 „ „	447 „	— „	— „
5 „ „	295 „	190 „	754 „
10 „ „	226 „	183 „	470 „
50 „ „	— „	144 „	223 „
100 „ „	— „	120 „	155 „
500 „ „	— „	93 „	110 „
3000 „ „	— „	— „	78 „

При обсужденіи вопросовъ этого рода упускается изъ вида еще одно обстоятельство. Конечно, мелкому производству достаточно провести трубу отъ газоваго завода или проволоку отъ электрической станціи,—и у него будетъ двигательная энергія, но полученіе ея всегда обходится дороже, чѣмъ для крупныхъ производствъ, которые устраиваютъ собственные газовые заводы и электрическія станціи. Насколько разнообразны и неожиданны приспособленія крупнаго производства къ особенностямъ новыхъ двигателей, покажетъ слѣдующій примѣръ. Въ Рейнской Вестфаліи крупныя заводы имѣютъ собственные электрическія станціи, но эти станціи соединяются съ центральной „станціей-банкомъ“. Въ нее заводскія станціи „вкладываютъ“ избытокъ электрической энергіи,—и съ нея же получаютъ энергію въ моменты экстраординарнаго потребленія. „Банкъ-станція“ снабжаетъ энергіей не только заводы, но и сосѣдніе города. Само собой ясно, какую экономію обеспечиваетъ заводамъ такая организация.

технической формы къ новѣйшимъ экономическимъ отношеніямъ: онъ, какъ мы видѣли, приобретаетъ рѣшающее значеніе лишь по своей связи съ рабочей машиной (исполнительнымъ механизмомъ).

При обсужденіи судьбъ мелкаго производства въ связи съ новыми двигателями обыкновенно имѣются въ виду рабочія машины только одного типа: тѣ, которыя приближаются къ интегральнымъ машинамъ, а часто и еще уже,—механическій ткацкій станокъ, поставленный въ свѣтелкѣ «самостоятельнаго» производителя. Здѣсь только при полномъ игнорированіи тѣхъ многообразныхъ путей, которыми капиталъ и безъ машины превращалъ эту самостоятельность въ мнимую, иллюзорную, можно ожидать отъ новой машинной техники возрожденія самостоятельнаго ремесла. Исторія швейной и чулочновязальной машины могла бы показать, что иногда, чѣмъ доступнѣй машина, тѣмъ отчаяннѣе положеніе мелкихъ производителей, такъ какъ конкуренція до чрезвычайности обостряется.

Много проще обстоитъ дѣло съ частичной машиной. Каждая изъ такихъ машинъ въ полной мѣрѣ развертываетъ присущія ей достоинства лишь при томъ условіи, если она является просто однимъ изъ элементовъ въ системѣ машинъ: подобно тому, какъ частичный мануфактурный работникъ только въ качествѣ органа коллективного работника, только въ стройно организованной мануфактурной группѣ можетъ развернуть ту высокую производительность, которой онъ достигаетъ въ своей узкой сферѣ. Какъ бы совершенна ни была строгальная машина, она окажется довольно бесполезнымъ балластомъ, если ею приходится пользоваться всего два часа въ сутки. И всякая другая частичная машина даетъ наибольшій полезный эффектъ лишь при томъ условіи, если ея постоянное дѣйствіе обеспечиваетъ непрерывное, автоматическое теченіе производственного процесса: только при крупно-производственной организаціи.

Такъ называемыя «преимущества» крупнаго производства не есть ничто неизмѣнное, абсолютное, обнаруживающееся во всѣхъ экономическихъ эпохи и съ одинаковой силой выступающее во всѣхъ отрасляхъ производства. Изъ всего предыдущаго—изъ очерка разложенія ремесла и развитія кустарной промышленности, изъ общаго очерка новой техники и ея экономическихъ предпосылокъ,—слѣдуетъ, что только при вполне опредѣленныхъ условіяхъ крупное производство оказывается высшей формой приспособленія по сравненію съ мелкимъ производствомъ. Въ различныхъ отрасляхъ производства эти условія назрѣваютъ въ неодинаковой послѣдовательности и съ неодинаковой быстротой,—а отсюда вытекаетъ та пестрота организаціонныхъ формъ производства, которая наблюдается въ настоящее время.

3. Промышленно-капиталистическое предприятие, его историческія предпосылки.

(Первоначальное накопленіе: отдѣленіе производителя отъ средствъ производства.)

Техническая централизація промышленности исторически могла совершаться только въ одной формѣ: въ формѣ ея капиталистической централизаціи, принимающей видъ капиталистическаго предприятия, идущаго на смѣну ремесленнымъ и кустарнымъ организаціоннымъ формамъ промышленности.

Мы видѣли, что уже община феодальной эпохи перестала быть тѣмъ сплоченнымъ трудовымъ коллективомъ, какимъ была община первобытно-родовая и отчасти даже авторитарно-родовая. Взятая какъ цѣлое, она утратила дѣеспособность: ея общія дѣйствія все болѣе организовались не непосредственно ею самой, а извнѣ, организаторскій трудъ все болѣе обособлялся отъ исполнительскаго. По мѣрѣ того, какъ совершался этотъ процессъ обособленія, деревенская община все болѣе замыкалась въ своемъ существованіи, сфера общественно-организуемыхъ трудовыхъ дѣйствій сокращалась, крестьянское производство пріобрѣтало характеръ семейнаго производства. Эпоха крѣпостного хозяйства только усилила эти тенденціи въ развитіи деревенскаго міра. Ремесло, возникающее въ эпоху живучести феодальной общины, подобно послѣдней, нѣкоторое время сохраняло извѣстные остатки общественно-организуемыхъ производственныхъ операцій. Но мы видѣли, какъ, съ разложеніемъ ремесла, обще-цеховыя сооруженія для общихъ потребностей производства постепенно превращались въ частныя, капиталистическія предприятия отдѣльныхъ членовъ цеха.

Стоитъ только напомнить исторію феодальной общины, крѣпостного міра, цеховъ и кустарныхъ промысловъ, примыкающихъ то къ отношеніямъ деревенскаго производства, то къ отношеніямъ средне-вѣковаго ремесла,—и будетъ ясно, что техническая централизація промышленности не могла явиться результатомъ общественной

организации производства: исходнымъ пунктомъ въ ея развитіи могла послужить только та высокая степень обособленія организаторскаго труда отъ исполнительскаго, какая была достигнута къ торгово-капиталистической эпохѣ, а потомъ еще болѣе усилена на ея протяженіи.

Итакъ, производство на новыхъ техническихъ началахъ организуется частнымъ лицомъ, предпринимателемъ (*Unternehmer, entrepreneur*). Это слово само по себѣ указываетъ, что въ основѣ дѣятельности новаго организатора лежитъ извѣстная инициативность, рациональность, расчетливость, напередъ составленный планъ. Въ этомъ смыслѣ новая организаціонная форма, предпріятіе, отличается отъ такихъ почти безсознательно, біологически воспроизводившихся экономическихъ формъ, какъ ремесленное или крестьянское хозяйство, которое каждый подрастающій крестьянинъ или ремесленникъ находили готовыми, напередъ данными, подобно даннымъ природою элементамъ ихъ жизненной обстановки. Традиціонно ведущееся хозяйство, какъ одинъ изъ элементовъ естественной обстановки, должно было просто обезпечить ремесленнику и крестьянину обычное «пропитаніе». Тотъ же мотивъ хозяйствованія, въ сословномъ видоизмѣненіи, сохранялъ рѣшающее значеніе и для феодальнаго сеньера, и даже для помѣщика. Напротивъ, цѣль предпринимателя съ самаго начала—въ полученіи барыша, въ увеличеніи той суммы стоимостей, съ которой онъ приступилъ къ дѣлу, въ обогащеніи, т.-е. въ постоянномъ измѣненіи тѣхъ условій, [при которыхъ онъ развертываетъ свою дѣятельность. Слѣдовательно, новая техника, характеризующаяся постояннымъ движеніемъ, находитъ въ предпріятіи экономическую форму, для которой основной цѣлью съ самаго начала становятся измѣненія. Тѣ стоимости, которыя затрачиваетъ на предпріятіе организующій его предприниматель, должны возвратиться къ нему, увеличившись въ своей величинѣ. Это—капиталь, отличающійся отъ торговаго не по своему назначенію, а только по сферѣ вложенія: промышленный, или, въ болѣе общей формѣ, производственный капиталъ въ отличіе отъ торговаго.

Промышленное предпріятіе возникаетъ на довольно высокой ступени въ развитіи товарнаго производства. Предпринимателю приходится покупать въ качествѣ товаровъ и значительную часть средствъ производства, и рабочую силу,—а съ теченіемъ времени всѣ средства [производства и рабочую силу. Мѣновыя отношенія развиваются настолько, что для того, чтобы получить распоряженіе надъ рабочей силой и средствами труда, будущій предприниматель долженъ покупать ихъ за деньги. Слѣдовательно, онъ долженъ располагать стоимостями въ денежной формѣ: долженъ быть денежнымъ капиталистомъ.

Очеркъ ремесла и въ особенности крѣпостной и торгово-капиталистической эксплуатаціи показалъ намъ, гдѣ и какимъ образомъ возникали тѣ денежныя капиталисты, которые съ теченіемъ времени могли превратиться въ промышленныхъ предпринимателей.

Капиталистическій предприниматель долженъ затрачивать деньги на приобрѣтеніе не только средствъ производства, но и рабочей силы. Выше уже упоминались случаи, когда денежный капиталистъ организовалъ крупное производство, но примѣнялъ въ немъ трудъ или рабовъ, или крѣпостныхъ. Отношенія между организаторомъ и работниками экономически не отличались тамъ отъ тѣхъ отношеній, которыя вообще складывались въ крѣпостномъ или рабскомъ хозяйствѣ. Эти крупныя производства представляли не капиталистическое предпріятіе, а лишь переходную форму къ нему. Чисто-капиталистическое предпріятіе предполагаетъ, что человѣкъ перестаетъ быть такимъ же средствомъ производства, какъ, напр., рабочий скотъ. Предприниматель покупаетъ на рынкѣ не человѣка,—послѣдній перестаетъ быть товаромъ, не продается на рынкѣ,—а только его рабочую силу. Слѣдовательно, предпосылкой капиталистическаго производства является превращеніе рабочей силы въ товаръ.

Этотъ товаръ, подобно всякому другому, продается его обладателемъ, которымъ является въ данномъ случаѣ самъ работникъ. Значитъ, работникъ—не крѣпостной и не рабъ, который вынужденъ просто отдавать или передавать рабочую силу по требованію господина: онъ настолько свободенъ отъ всякихъ отношеній личной зависимости, что можетъ располагать своей рабочей силой по собственному усмотрѣнію. Тамъ, гдѣ работникъ не можетъ свободно выносить своей рабочей силы на рынокъ, онъ не является наемнымъ рабочимъ въ точномъ значеніи слова, и самое предпріятіе не есть еще капиталистическое предпріятіе. Такъ, въ огромной степени на докапиталистическихъ началахъ была въ Россіи организована постройка Амурской желѣзной дороги, на которой подрядчики предпочитали пользоваться дешевымъ трудомъ каторжанъ. Каторжанина заставляли итти на постройку, сокращая наказаніе по расчету 2 дня работы за 3 дня каторги. Слѣдовательно, передъ продавцомъ рабочей силы здѣсь не было той свободы выбора, какъ передъ продавцомъ всякаго другого товара: рабочая сила здѣсь еще не товаръ, самъ работникъ еще напоминаетъ крѣпостного или раба ¹⁾.

¹⁾ О промышленномъ трудѣ въ тюремныхъ помѣщеніяхъ—въ послѣдніе годы передъ революціей 1917 года онъ получилъ въ Россіи широкое распространеніе (сапожныя и ящичныя мастерскія, очистка хлопка, тканое дѣло и т. д.)—нечего и говорить: онъ приближается къ рабскому труду даже въ томъ смыслѣ, что вознагражденіе работника почти цѣликомъ сводится къ жалкому пропитанію.

Не являются свободными продавцами рабочей силы и дѣти. Ихъ скорѣе самихъ продаютъ родители или пріюты: явленіе, которое достигло ужасающаго расцвѣта на зарѣ крупной текстильной промышленности въ Англіи. Да и въ настоящее время оно почти повсемѣстно настолько распространено, что для иллюстраціи этой формы эксплуатаціи незначѣмъ обращаться къ Англіи конца XVIII и начала XIX вѣка: стоитъ только напомнить конфекціонную промышленность (производство одежды) и такъ называемое торговое и ремесленное «ученичество».

Нечего говорить объ отношеніяхъ свободной продажи рабочей силы и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти работаютъ въ самыхъ пріютахъ: это—область, гдѣ дѣйствуетъ голое, ничѣмъ не прикрытое принужденіе, гдѣ до сихъ поръ остаются возможными явленія, близко напоминающія крѣпостное хозяйство,—область, изъятая и скрытая отъ всякаго контроля иногда больше, чѣмъ крѣпостное хозяйство.

То же относится къ монастырскимъ пріютамъ для дѣтей и подростковъ, и къ монастырскому труду «богомольцевъ». Въ Россіи принято думать, что эти явленія характерны главнымъ образомъ для католическихъ странъ. Но можно было бы указать и въ Россіи цѣлый рядъ монастырей, въ которыхъ руководѣльныя мастерскія, текущія монастырскія работы, заготовка дровъ, земледѣльческія работы организованы на началахъ, представляющихъ осуществленіе аскетическаго идеала и ведущихъ вѣрнымъ путемъ къ умерщвленію плоти какъ взрослыхъ богомольцевъ, такъ и дѣтей. Рабочую силу монастыри получаютъ въ свое распоряженіе не какъ товаръ,—они получаютъ ее частью совершенно бесплатно, частью за одно скудное пропитаніе.

Среднее положеніе между рабочей силой каторжанъ и монастырскихъ богомольцевъ занимаетъ та рабочая сила, которой располагаетъ пресловутая «Армія Спасенія». Несчастные «спасенные»—«отбросы общества», разбитыя жизнью существа,—безропотно подчиняются тѣмъ скорѣе шарлатанамъ, чѣмъ пророкамъ, которые составляютъ правящій штабъ организаціи. Ихъ воля настолько сломлена, ихъ положеніе настолько безвыходно, что они предоставляютъ использовать свою рабочую силу, какъ заблагоразсудится «офицерамъ» и «генераламъ». Рабочая сила здѣсь—не товаръ, работникъ—не свободный наемный рабочій, конкуренція, которую онъ оказываетъ послѣднему,—не нормально-капиталистическая, а такъ называемая «грязная конкуренція», какъ и въ случаяхъ съ трудомъ каторжанъ, монастырскимъ и пріютскимъ трудомъ¹⁾.

¹⁾ Въ Англіи, на родинѣ Арміи Спасенія, гдѣ она пользовалась наибольшимъ успѣхомъ, профессиональные союзы довольно рано замѣтили эту сторону ея дѣятель-

Полное безправіе работниковъ-китайцевъ на дальне-восточной окраинѣ Россіи (постройка забайкальскихъ частей сибирской желѣзной дороги въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка, Амурской желѣзной дороги—въ концѣ перваго десятилѣтія XX вѣка) или тѣ исключительныя положенія, которымъ подлежатъ японцы и китайцы въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, отдають этихъ кули въ полную власть нанимателя, отнимають у нихъ ту свободу выбора, которая имѣется въ современномъ обществѣ у продавца всякаго другого товара.

Тѣ сельскохозяйственныя рабочіе, которые изъ Россіи приходили въ восточную Пруссію,—не свободные продавцы своей рабочей силы. Лишенные всякой защиты со стороны правительства своей родины, они цѣлымъ рядомъ невѣроятныхъ для культурной страны полицейскихъ правилъ и предписаній не только закрѣплялись за сословіемъ восточно-пруссскихъ юнкеровъ, но въ концѣ-концовъ и за каждымъ отдѣльнымъ помѣщикомъ, который ихъ нанималъ. Болѣе того: и туземные батраки Пруссіи до послѣдняго времени были подчинены варварскому «уставу о прислугѣ» (*Gesindeordnung*), который изданъ въ 1810 году специально съ той цѣлью, чтобы примирить помѣщиковъ съ отмѣной крѣпостного права, сохранивъ изъ послѣдняго нѣкоторые цѣнные для нихъ элементы. То же неравенство продавца и покупателя рабочей силы лежало въ основѣ русскаго законодательства, административной и судебной практики, касающихся найма на сельскохозяйственныя работы. И уже совсѣмъ не приходится говорить объ отношеніяхъ свободнаго найма, когда, какъ было еще недавно, недоимщики отдавались міромъ на «отработки», или, какъ до революціи 1917 года дѣлалось почти ежегодно, когда устраивались «общественныя работы» для голодающихъ крестьянъ: во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ свободнаго соглашенія, а выступаетъ прямое, болѣе или менѣе открытое внѣшнее принужденіе ¹⁾.

ности. На континентѣ Армія Спасенія не нашла почвы: отчасти потому, что тѣ элементы, изъ которыхъ она рекрутируетъ своихъ членовъ, относительно малочисленнѣе, отчасти потому, что они использованы учрежденіями иныхъ внѣшнихъ формъ и названій (союзы штрейкбрехеровъ, всевозможныя католическія учрежденія). Въ Россіи роль мастерскихъ Арміи Спасенія играли между прочимъ предпріятія «союза русскаго народа», съ той существенной разницей, что цѣны поставляемыхъ имъ издѣлій оказывались въ концѣ-концовъ не ниже, а выше обычныхъ рыночныхъ цѣнъ (поставки на армію, Красный Крестъ и проч.).

¹⁾ Нѣкоторые помѣщики, получившіе немалую извѣстность своей благотворительностью въ голодные годы, удачно использовали общественныя работы для того, чтобы довести свои имѣнія до блестящаго положенія (расчистка и корчеваніе лѣса, осушеніе болотъ и т. д.). Если бы имъ пришлось пользоваться свободными рабочими, они и не помыслили бы о производствѣ необходимыхъ работъ по улучшенію имѣній. Немаловажное значеніе имѣло для нихъ и то обстоятельство, что работы, какъ „общественныя“, только отчасти производились за ихъ счетъ.

Для того, чтобы оставаться свободнымъ продавцомъ рабочей силы, работникъ долженъ отчуждать ее на строго опредѣленный срокъ, по истеченіи котораго онъ можетъ снова продавать свой товаръ, и этотъ срокъ, очевидно, не можетъ быть ни пожизненнымъ,—потому что тогда рабочій сдѣлался бы рабомъ,—ни вообще очень длительнымъ: ни одинъ товаропроизводитель не станетъ брать на себя обязательствъ о поставкѣ товара на столь длинный срокъ, что до истеченія его становятся вѣроятными полныя революціи въ конъюнктурѣ. Во многихъ европейскихъ колоніяхъ до сихъ поръ процвѣтаетъ такъ называемое «контрактовое рабство». Напримѣръ, въ алмазныхъ копяхъ Трансваала огромную массу рабочихъ составляютъ несчастные кафры, которыхъ доставляютъ подрядчики, заключающіе съ ними долгосрочные «договоры». Неустойка, угрожающая за досрочное расторженіе договора, принужденіе жить въ казармахъ, не отличающихся по режиму отъ каторги, близость полицейской и военной силы, готовой вмѣшаться при малѣйшемъ броженіи,—все это фактически превращаетъ кафровъ въ рабовъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ сохраняется нѣкоторая работоспособность.

Очень далеки отъ сознательнаго свободнаго договора и тѣ соглашенія, которыя крестьяне внутреннихъ губерній и сибирскіе переселенцы заключали съ подрядчиками, участвующими въ постройкѣ Амурской желѣзной дороги, или съ подрядчиками, которые цѣлыми партіями транспортировали ихъ на Гавайскіе (Сандвичевы) острова. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сдѣлка ясна во всѣхъ своихъ подробностяхъ только для одной стороны, для подрядчика. Другая сторона не знала ни особыхъ трудностей, ни общей обстановки работы, ни стоимости жизни, а зачастую вмѣсто точныхъ обязательствъ получала одни заманчивые посулы. Пройдя тысячи верстъ, рабочіе попадали въ безсрочную и безграничную зависимость отъ подрядчиковъ, на сторону которыхъ рѣшительно становилась организованная сила государства ¹⁾.

Перечень тѣхъ формъ несвободы работника, которыя широко распространены въ современномъ обществѣ, позволяетъ установить вѣтшіе признаки, при наличности которыхъ договоръ найма признается свободнымъ. 1) Предполагается правоспособный работникъ: работникъ, умственно зрѣлый, не нуждающійся въ опеку. Но капиталистическое общество признаетъ договоръ найма свободнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда за неспособнаго человека

¹⁾ По смѣтѣ чрезвычайныхъ расходовъ министерство путей сообщенія испрашивало на 1911 г. между прочимъ на расходы, связанныя съ постройкой Амурской ж. д., 911.000 руб., въ томъ числѣ 295.000 на постройку арестнаго дома. Послѣдній расходъ обосновывался постоянными волненіями рабочихъ на этой дорогѣ.

договоръ заключается его родителями или опекунами. 2) Предполагается, что не какая-либо внѣшняя сила, а собственное свободное рѣшеніе заставляетъ работника заключать договоръ. 3) Договоръ и его выполненіе можетъ признаваться совершенно свободнымъ лишь при условіи, если договаривающіяся стороны равноправны.

Всѣ такъ называемые «крѣпостническіе пережитки»: сословный строй общества, неравенство передъ закономъ, прикрѣпленіе къ опредѣленному мѣсту или области, всякія ограниченія свободы передвиженія, будетъ ли то «черта осѣдлости» или паспортная система, и т. д.,—все это явно создаетъ для рабочей силы особое положеніе, превращаетъ ее въ несовершенно, недоразвившійся товаръ. И точно такъ же ясно, что первые шаги къ превращенію рабочей силы въ товаръ совпадаютъ съ разложеніемъ феодальнаго общества, съ освобожденіемъ работника отъ традиціонныхъ повинностей и личной зависимости, переходившихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Паденіе крѣпостного права было рѣшительнымъ, хотя и не окончательнымъ шагомъ въ томъ же направленіи.

Личной свободы непосредственнаго производителя недостаточно для того, чтобы онъ сталъ продавать свою рабочую силу.

Въ предыдущемъ мы уже не разъ встрѣчали свободного непосредственнаго производителя, который, существуя среди мѣнового общества, выносилъ на рынокъ не свою рабочую силу, а продуктъ своего самостоятельнаго производства. Таковъ фригольдеръ въ Англіи XIV—XV вѣка, таковъ его позднѣйшій преемникъ йомень, таковъ средневѣковый ремесленникъ, таковъ даже кустарь позднѣйшей эпохи. Одинъ признакъ отличаетъ ихъ всѣхъ отъ наемныхъ рабочихъ: всѣ они располагаютъ не только рабочей силой, но и средствами производства. Потому-то, въ связи съ живучестью семейнаго производства, тѣмъ товаромъ, съ которымъ они приходили на рынокъ, была не ихъ рабочая сила, а продуктъ, произведенный послѣднею. Въ наемнаго рабочаго, живущаго исключительно продажей рабочей силы, каждый изъ этихъ работниковъ превращался по мѣрѣ того, какъ онъ лишался всѣхъ средствъ производства.

Выше мы уже не разъ наблюдали соотвѣтствующіе процессы. Мы видѣли, напр., что превращеніе феодальнаго сеньера въ земельного собственника повсюду сопровождалось обезземленіемъ массы крестьянства: иногда настолько рѣшительнымъ, что крестьянинъ превращался въ полнаго пролетарія, иногда частичнымъ, такъ что жалкій клочокъ земли, не освобождая крестьянина отъ необходимости продавать свою рабочую силу, просто привязывалъ его къ опредѣленному мѣсту. Экспроприація крестьянъ, «освобожденіе» ихъ отъ земли, одного изъ самыхъ существенныхъ условій производства,

совершалось несравненно быстрѣй и въ болѣе радикальных формахъ, чѣмъ освобожденіе отъ отношеній личной зависимости.

Въ томъ же направленіи дѣйствовали тѣ соціальныя перевороты, которые выпадаютъ на переходное время отъ среднихъ къ новымъ вѣкамъ ¹⁾. Уничтоженіе феодальныхъ дружинъ, сокращеніе монастырской благотворительности, а потомъ, послѣ захвата монастырской собственности свѣтскими властями (существенный моментъ реформаціи въ Англіи и Германіи), и полное ея прекращеніе, иногда (напр., въ Англіи) захватъ монархами средствъ и имуществъ, предназначенныхъ на организацію взаимопомощи ремесленниковъ,—все это отнимало послѣднія средства существованія у пролетаризованныхъ элементовъ и не оставляло передъ ними въ концѣ-концовъ никакого иного выхода, кромѣ продажи своей рабочей силы.

Дальнѣйшее развитіе торговаго капитала дало мощный толчокъ обезземеленію крестьянства. Такъ, германскій помѣщикъ, стремясь расширить собственное хозяйство и выносить на рынокъ растущія массы земледѣльческаго продукта, энергично продолжалъ сносить крестьянскихъ дворовъ. Англійскій земельный собственникъ, для котораго основнымъ источникомъ богатства все въ большей мѣрѣ становилось производство овечьей шерсти, присваивалъ общинныя угодья («огораживалъ» ихъ), искони бывшія въ общемъ пользованіи его и крестьянъ, и превращалъ ихъ въ пастбища. Для округленія пастбищъ у крестьянъ отнималась и пахотная земля ²⁾. Въ Россіи XVIII вѣка,—какъ и въ Англіи конца предыдущаго,—въ колоссальномъ масштабѣ производилось расхищеніе общественныхъ имуществъ, принимавшее форму монаршихъ дареній сотенъ и многихъ тысячъ десятинъ земли фаворитамъ монарховъ. Закладывалась широкая основа колоссальныхъ, равныхъ по протяженію цѣлымъ княжествамъ, земельныхъ владѣній, которыя до сихъ поръ остаются въ собственности крупныхъ аристократическихъ фамилій Англіи (а до второй революціи 1917 года оставались ихъ собственностью и въ Россіи).

¹⁾ „Средніе вѣка“ и „новое время“ не являются для насъ хронологическими датами. „Новое время“ или „новые вѣка“ должны означать для экономиста эпоху, когда въ той или иной странѣ обнаруживается явный переходъ отъ феодальныхъ и ремесленныхъ отношеній къ крѣпостническимъ и капиталистическимъ. Въ этомъ смыслѣ Италія или южная Франція XIV вѣка несомнѣнно вступили въ „новое время“, Скандинавскій полуостровъ еще къ началу XVI вѣка не изжилъ своего „средневѣковья“,—и даже о современной Персіи можно сказать, что „средневѣковье“ все еще тяготеетъ надъ нею.

²⁾ „Ваши овцы, которыя прежде отличались такою кротостью и довольствовались столь немногимъ, теперь сдѣлались такими дерзкими и хищными, что пожираютъ самихъ людей, опустошаютъ и дѣлаютъ безлюдными ваши поля, дома, села“. Т. М о р ъ, „Утопія“ (написана въ 1516 г.), въ перев. Е. Тарле.

Превратившись въ земельныхъ собственниковъ необозримыхъ территорій, герцоги и князья, бароны и графы получали возможность прогнать «излишнее» земледѣльческое населеніе во всякій моментъ, когда это окажется выгоднымъ.

Но, кромѣ этихъ какъ бы механическихъ процессовъ, развертывавшихся на поверхности и быстро создававшихъ обширныя арміи пролетаризованныхъ элементовъ, въ глубинѣ общества, въ связи все съ тѣмъ же развитіемъ торговаго капитала, совершались иного рода процессы. Въ нихъ было меньше остраго, очевиднаго драматизма и больше сродства съ молекулярными процессами, но въ конечномъ счетѣ они вели, быть можетъ, къ несравненно болѣе широкой экспроприаціи непосредственныхъ производителей, къ несравненно болѣе широкому превращенію ихъ рабочей силы въ товаръ. Мы имѣемъ въ виду тѣ явленія, которыя трактовались выше въ связи съ возникновеніемъ современнаго централизованнаго государства и развитіемъ его фискальнаго аппарата (превращеніе натуральныхъ повинностей въ денежные, ихъ возрастаніе, податная и налоговая система, откупа, государственные займы и т. д.). Вынужденный для отбыванія всевозможныхъ повинностей выбрасывать на рынокъ увеличивающіяся массы продукта, крестьянинъ утрачивалъ возможность возстановлять плодородіе почвы и поддерживать сельскохозяйственный инвентарь. Если бы даже арена его хозяйствованія не сокращалась время отъ времени актами той механической экспроприаціи, о которыхъ рѣчь была выше, тотъ потребительный фондъ, который оставался у воздѣлывателя земли, дѣлался все скуднѣе, — и все настоятельнѣе становилась потребность восполнять его изъ какого-либо иного источника. Наступила пора для дѣятельности примитивныхъ, низшихъ формъ деревенскаго ростовщическаго капитала, который урываетъ у крестьянина все большую долю производимыхъ имъ продуктовъ (потребительные займы, издольная аренда земли), а потомъ и непосредственно захватываетъ его рабочую силу (отрабочная аренда). Въ данной связи безразлично, кто выступалъ въ качествѣ ростовщика: крестьянинъ или помѣщикъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ экономическій эффектъ — одинаковый: средства и условія производства, которыми располагаетъ крестьянинъ, становятся недостаточными для того, чтобы обезпечить ему производственную самостоятельность, — чтобы сдѣлать возможнымъ приложеніе рабочей силы въ размѣрахъ, необходимыхъ для существованія его и семьи.

Земледѣліе перестаетъ кормить земледѣльца. Послѣднему приходится искать внѣ земледѣлія возможности утилизировать свою «избыточную» рабочую силу. Но, въ противоположность эпохѣ, когда

его хозяйство было самодовлѣющимъ или просто не вынуждалось къ производству товаровъ, ему приходится экономизировать использование «избыточной» силы. Онъ долженъ расширять не тѣ отрасли ея примѣненія, которыя доставили бы предметы потребленія для него и семьи, а тѣ отрасли, которыя могутъ дать деньги. Развиваются тѣ переходныя формы капитала отъ торговаго къ промышленному, о которыхъ говорилось въ отдѣлѣ о кустарныхъ промыслахъ. Такимъ же образомъ совершается и перерожденіе ремесла.

Вслѣдствіе этихъ внутреннихъ, глубокихъ, не легко поддающихся наблюденію процессовъ, въ сферѣ мелкаго производства складывалось своеобразное положеніе. Получалась такая картина, какъ будто о пролетаризаціи массъ населенія не можетъ быть рѣчи: нѣтъ бездомныхъ, нѣтъ безхозяйныхъ, — работникъ не отдѣленъ отъ средствъ труда, послѣднія неразрывно срослись съ нимъ. И каждый производитель въ этомъ сращеніи и сліяніи съ средствами труда какъ будто находитъ себѣ достаточное обезпеченіе: онъ воспроизводится изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Но подъ этой обманчивой внѣшностью скрывается прогрессирующее обнищаніе, пауперизація населенія. То количество стоимостей, которое извлекается изъ него превращенными формами феодальной эксплуатаціи и примитивными формами капиталистической, слишкомъ велико при данныхъ техническихъ отношеніяхъ: того, что остается у массъ, недостаточно для ихъ существованія. И въ то же время отсталыя техническія отношенія, низкій уровень производительныхъ силъ увѣковѣчиваются ростомъ государственныхъ повинностей и увеличивающимся давленіемъ капитала. Данная территория не даетъ живущему и работающему населенію достаточныхъ средствъ существованія. Не даетъ не потому, что оно производитъ слишкомъ мало, а потому, что у него чрезмерно много берется. Часть населенія оказывается поэтому «излишней», «избыточной».

Раньше мы уже встрѣчались съ явленіями перенаселенія, съ тѣми его формами, при которыхъ оно называется абсолютнымъ. Это были случаи, когда численность людей оказывалась слишкомъ большой по сравненію съ тѣми средствами существованія, которыя производятся и могутъ производиться при данномъ уровнѣ техники. Причины того вида перенаселенія, о которомъ говорится въ настоящее время, совершенно иныя: оно возникаетъ не потому, что производство недостаточно, а потому, что, благодаря данной соціальной организаціи, у работника остается все уменьшающаяся доля производимыхъ имъ продуктовъ. Перенаселеніе этого рода называется относительнымъ.

Въ той формѣ относительнаго перенаселенія, съ которой мы

сейчасъ встрѣтились, есть извѣстное сходство съ абсолютнымъ перенаселеніемъ. Когда послѣднее наступало, напр., въ первобытной родовой общинѣ, послѣдняя не могла бы рѣшить, какіе именно ея работоспособные члены становятся избыточными. Перенаселеніе выражалось здѣсь въ томъ, что всѣмъ членамъ общины приходилось чаще голодать, общая заболѣваемость повышалась, здоровые люди въ преклонномъ возрастѣ становились рѣдкостью. То же и при нашемъ относительномъ перенаселеніи, съ той существенной разницей, что недифференцированная родовая община уступила мѣсто высоко дифференцированному обществу. «Избыточными», «излишними» оказываются здѣсь какъ разъ тѣ, кто производитъ средства существованія. Такого перенаселенія не существуетъ для простыхъ погребителей и вообще для присвоителей прибавочной стоимости, въ особенности для ихъ верхушекъ, проявляющихъ наибольшую энергію въ ея извлеченіи. Было бы невозможно указать, кто именно изъ непосредственныхъ производителей избыточенъ: у всѣхъ нихъ одинаково имѣются средства производства, всѣ они имѣютъ одинаковую возможность работать и существовать. Передъ нами—та форма относительнаго перенаселенія, когда его послѣдствія (единицы) распространяются на широкую массу работниковъ, не концентрируются на той или иной явственно обособленной группѣ. Это, по терминологіи Маркса,—скрытое перенаселеніе (по аналогіи съ „скрытой теплотой льда“ и т. под. терминами физики).

Внѣшніе симптомы скрытаго перенаселенія прежде всего такіе же, какъ всякихъ формъ перенаселенія: хроническое, такъ называемое фізіологическое голоданіе, которое при всякомъ нарушеніи обычныхъ условій смѣняется острымъ голодомъ, повышенная заболѣваемость и смертность, въ особенности страшная смертность дѣтей, не всегда компенсирующаяся высокой рождаемостью. Другіе симптомы, специфически характерные для скрытаго перенаселенія, развертываются лишь въ связи съ общимъ укладомъ экономическихъ и юридическихъ отношеній. Изъ этихъ симптомовъ слѣдуетъ отмѣтить въ особенности «бѣгство изъ деревни» въ формирующійся городъ: явленіе, которое, какъ мы знаемъ, широко развернулось на исходѣ среднихъ вѣковъ. Оно представляетъ только одну изъ частныхъ формъ «отхода» деревенскаго населенія на сторонніе заработки, промышленные и земледѣльческіе. При извѣстномъ развитіи средствъ транспорта, внутренній отходъ дополняется эмиграціей. Классическимъ примѣромъ страны, на протяженіи всего XIX вѣка выбрасывавшей растущія волны эмигрантовъ, можетъ служить Ирландія. Но то же наблюдалось и въ Германіи до эпохи расцвѣта ея промышленности, которая открыла прибѣжище для избыточнаго де-

реценскаго населенія. Въ настоящее время огромную массу эмигрантовъ даетъ Италія и земледѣльческія области Австро-Венгріи. Въ Россіи скрытое перенаселеніе проявлялось не только въ отхожихъ деревенскихъ промыслахъ,—между прочимъ въ мучительныхъ скитаніяхъ многотысячной арміи земледѣльческихъ рабочихъ,—но и въ растущей эмиграціи (въ Соединенные Штаты, Канаду, Аргентину, на острова Тихаго океана), и въ той ея частной формѣ, которая называется переселеніемъ (въ Сибирь, среднеазиатскія владѣнія, на Дальній Востокъ).

Быстрое развитіе домашней (кустарной) промышленности уже само по себѣ можетъ считаться однимъ изъ симптомовъ скрытаго перенаселенія. При извѣстныхъ условіяхъ,—каковы прикрѣпленіе крестьянина къ надѣлу, затрудненія выходу его изъ деревни (или общины), нелѣпая паспортная система и т. д.,—домашняя промышленность становится однимъ изъ самыхъ естественныхъ,—точнѣе, изъ самыхъ доступныхъ—способовъ хотя нѣсколько парализовать послѣдствія перенаселенія. Построенная на связи работника съ средствами производства, она, подобно мелкому крестьянскому земледѣлію, долго замаскировываетъ тотъ фактъ, что производственная самостоятельность работника иллюзорна. Наше народничество съ извѣстной національной гордостью противопоставляло Западу съ его пролетаріатомъ и пауперизмомъ нерасторжимость этой исконной связи работника съ основными условіями земледѣльческаго и промышленнаго производства. Оно не видѣло, что пауперизація, необходимо вытекавшая изъ этой связи, не представляетъ никакихъ преимуществъ по сравненію съ пролетаризаціей, предполагающей разрывъ этой связи,—а даже напротивъ ¹⁾.

Мы видимъ такимъ образомъ, что вопросъ, откуда капиталистическое предпріятіе могло достать наемныхъ рабочихъ, не представляетъ никакихъ затрудненій. То самое «первоначальное накопленіе», которое на одной сторонѣ создавало денежные капиталы, готовые искать примѣненія въ сферѣ промышленности,—оно же создавало

¹⁾ Русское народничество совершенно не оригинально. Вильгельму Вольфу—тому самому, памяти котораго Марксъ посвятилъ I томъ „Капитала“,—уже въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка пришлось бороться съ совершенно такими же взглядами на общественный строй Силезіи, съ горделивымъ противопоставленіемъ ея Франціи и Англіи. См. *Gesammelte Schriften von W. Wolff*, Berlin 1909, въ особенности статьи о „казематахъ“—каморочныхъ помѣщеніяхъ бреславльской бѣдноты—и о возстаніи силезскихъ ткачей. Въ Болгаріи такіа возрѣнія пользовались величайшей популярностью въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, въ Китаѣ для южныхъ революціонеровъ они служатъ теперь опорой ихъ представленій объ особой исторической миссіи Китая: о томъ, что его возрожденіе будетъ въ то же время осуществленіемъ социализма, къ которому Китай ближе, чѣмъ старый Западъ съ его острыми классовыми противорѣчіями.

и обширные кадры полныхъ пролетаріевъ или замаскированныхъ пролетаріевъ, для которыхъ продажа рабочей силы становилась единственнымъ способомъ добыть необходимыя средства къ жизни или восполнить возрастающій недостатокъ послѣднихъ. Феодалный сеньеръ превращался въ земельного собственника, — массы крестьянъ «освобождались» отъ земли. Государство съ растущими и централизующимися денежными доходами давало «заработокъ» огромной арміи поставщиковъ, откупщиковъ, кредиторовъ и т. д., — усиливающіеся нажимы податного винта вынуждали производителя все больше работать для рынка, а потомъ продавать и свою рабочую силу. Хозяйничанье въ колоніяхъ создавало баснословныя состоянія, которыя, перераспредѣляясь, послужили однимъ изъ элементовъ будущаго промышленнаго капитала, — борьба изъ-за колоній придавала войнамъ небывалую широту и упорство, тяжесть содержанія арміи и флота сдѣлалась непосильной, земля и вообще средства труда перестали гарантировать необходимое пропитаніе. Ростовщикъ и торговецъ использовали для себя переворотъ въ общихъ условіяхъ существованія мелкаго производителя, медленно, но увѣренно накапливали денежные состоянія, — мелкій производитель незамѣтно для себя утрачивалъ средства труда, его право собственности на нихъ превращалось въ пустую фикцію.

Такимъ образомъ къ эпохѣ, когда назрѣвали необходимыя техническія и экономическія предпосылки для организаціи промышленнаго предпріятія, складывались и его соціальныя предпосылки: появлялась свободная рабочая сила, готовая превратиться въ товаръ. И если на зарѣ капиталистическаго производства «рабочій вопросъ»: вопросъ о снабженіи промышленныхъ предпріятій достаточнымъ количествомъ рабочихъ, повсюду принималъ острые формы, то причины тому двоякаго рода: 1) Выросшіе въ отношеніяхъ и традиціяхъ семейнаго или одиночнаго производства, продавцы рабочей силы только въ ряду поколѣній могли примириться съ крупно-производственной дисциплиной, даже поскольку она вытекаетъ изъ чисто техническихъ основаній: изъ необходимости гармонически сочетать дѣйствія отдѣльныхъ работниковъ, организовать всю совокупность послѣднихъ въ коллективнаго работника. 2) Въ той исторической обстановкѣ, въ какой развивалось крупное производство, эта технически необходимая дисциплина пріобрѣтала конкретную форму капиталистической дисциплины, — личнаго подчиненія работниковъ капиталисту или его уполномоченнымъ. Борьба противъ нея становилась борьбой противъ суверенно устанавливаемыхъ капиталистомъ размѣровъ заработной платы, продолжительности рабочаго дня, внутренняго распорядка, общей обстановки труда и жизни

(неописуемыя фабричныя зданія и рабочія казармы съ широко развитымъ безсмысленнымъ шпионажемъ, съ придирчивой, каторжной регламентаціей каждаго шага, каждой минуты существованія; недостаточная и отвратительная пища отъ хозяина; всевозможныя формы прямого надувательства и т. д.).

Уже въ торгово-капиталистическую эпоху мы наблюдали великую солидарность, иногда переходящую въ полное сліяніе, между потомками феодаловъ, которые стояли во главѣ формирующагося государства, и между примитивною буржуазіей. Сохраненіе этой исторически сложившейся солидарности было необходимою предпосылкой и всѣхъ методовъ такъ называемаго первоначальнаго накопленія: образованія крупныхъ денежныхъ состояній, на одной сторонѣ, и пролетаріевъ-производителей, отдѣленныхъ отъ средствъ производства, на другой. Когда наступила эпоха капиталистическаго производства, этотъ союзъ носителей политической власти съ буржуазіей выразился въ законодательствѣ и административной практикѣ, регулирующихъ рабочій вопросъ. Государство всѣми возможными способами принуждало рабочихъ къ подчиненію условіямъ, которыя диктовала промышленная буржуазія. Таковы, напр., мѣры, направленные къ удлиненію рабочаго дня, пониженію заработной платы (воспрещеніе требовать и уплачивать больше извѣстной величины, т.-е. установленіе максимальной заработной платы), таково жестокое анти-стачечное законодательство, таковы, дальше, безпощадно суровыя наказанія, угрожающія «бродягамъ» и «лицамъ безъ опредѣленныхъ занятій»,—т.-е. тѣмъ, кто, будучи экспроприированъ отъ средствъ производства, располагаетъ свободной рабочей силой, но не продаетъ ея капиталисту. Разумѣется, всѣ эти мѣры мотивировались соображеніями общаго блага и общественной безопасности. Объективно же онѣ были безличнымъ, классовымъ, государственнымъ понужденіемъ къ подчиненію дисциплинѣ промышленнаго капитала.

Методы такъ называемаго «первоначальнаго накопленія» исторически и логически представляютъ переходную ступень отъ феодальной къ капиталистической эксплуатаціи, соединяютъ въ себѣ искаженныя, вырождающіяся черты первой и примитивно-варварскія формы второй. Такая экономическая гибридность, ублюдочность методовъ служить основой для ублюдочныхъ политическихъ формъ. Ихъ можно характеризовать какъ совмѣстное господство соціально вырождающагося феодальнаго сословія, подчиняемаго растущей властью денегъ, и зародышевой буржуазіи, опирающейся въ своемъ ростѣ на прямое внѣшнее принужденіе.

Расцвѣтъ методовъ «первоначальнаго накопленія» совпадаетъ съ

расцвѣтомъ дѣятельности торговаго капитала. Разныя страны переживали его въ разное время. Толпы персовъ-рабочихъ на Кавказѣ, только вѣшными преградами сдерживаемая эмиграція китайскихъ кули въ Америку и Австралію, въ южную Африку и на востокъ Сибири даютъ нѣкоторое представленіе объ энергіи процессовъ первоначальнаго накопленія, развертывающихся въ Персіи и Китаѣ. Сравнительно недавнее расхищеніе въ Россіи башкирскихъ земель, очень откровенныя мѣры, примѣнявшіяся къ бурятамъ и киргизамъ на нашихъ глазахъ, могутъ служить иллюстраціей упрощенныхъ методовъ отдѣленія работника отъ средствъ производства. Къ той же области относятся еще болѣе упрощенные способы, примѣненные Германіей къ «замиреннымъ» гереро юго-западной Африки, гдѣ у еще не истребленныхъ туземцевъ попросту отнимали землю и скотъ. Возможно и даже вѣроятно, что чрезвычайная энергія этихъ мѣръ поведетъ, какъ уже и было съ индѣйцами Америки, къ вымиранію охотничьихъ и кочевыхъ племенъ, отдѣляемыхъ отъ земли; но тогда найдутся другіе работники для использованія «освобожденныхъ» средствъ производства,—какъ негры явились на смѣну индѣйцамъ.

Въ извѣстномъ смыслѣ и крестьянская реформа повсюду была однимъ изъ утонченныхъ актовъ первоначальнаго накопленія. То же объективное значеніе имѣлъ и указъ 9 ноября 1906 г. о выходѣ изъ общины, и законъ 14 іюня 1910 г., продолжившій дѣло указа.

Если припомнить, наконецъ, менѣе замѣтную дѣятельность торговаго и ростовщическаго капитала, приурочивающаго свои операціи къ расшатанному мелкому производству, то будетъ видно, что «первоначальное накопленіе», отдѣляющее капиталистовъ въ одну сторону, пролетаріевъ—въ другую, не прекращается и въ современномъ обществѣ.